

Бой Добрыни с Дунаем

А-й как ездил Добрынюшка по всей земли,
А-й как ездил Добрынюшка по всей Руси,
А-й как ездил Добрынюшка по всем землям,
Как гулял-то Добрынюшко по цюжим странам.
А-й как искал как Добрынюшка супротивницька,
Супротивницька искал к сибѣ, наезницька, —
А он не мог же натти себе супротивника,
Супро[ти]вника натти себе, наезника.
Он выехал на полѣ на чистоѣ,
Да на то же роздольицѣ на широкое, —
А он смотрел где, гледел в подзорну трубочку
А-й да он на все же на четыре кругом стороны:
Во первой-то стороны — да горы лютые,
Во второй-то стороны — да леса тёмные,
Во третей-то стороны — да синѣ морюшко,
Во четвёртой стороны — да цисто полюшко.
Он смотрел и гледел да вдоль он по полю,
По тому по роздольицю по широкому, —
Он завидял, как на поли шатѣр стоит,
А шатѣр-то стоит да бел полотняной.
А поехал Добрынюшка ко белу шатру.
Приежжает Добрынюшка ко белу шатру,
А на шатри видит — подписом подписано,
А-й со велики[м]а-й угрозами подрезано:
«А ишше хто к шатру приедѣт — дак живому не быть,
А живому-то не быть, проць не уехати!»
И сомутились у Добрынюш[к]и оци ясныя,
А расходились у Добрынюш[к]и руцьки белыя.
А соскакивал Добрынюшка со добра коня,
Заходил-де Добрыня в тонкой бел шатѣр —
А-й во шатри стоит кроватоцька тисовая,
На кроватоцьки лежит перинушка пуховая,
На перины — одеялышко черного соболя.
А под кроваткой стоит боцька да с зеленым вином,
А-й да на боцьки-то цяроцька серебряна,

Не велика, не мала — полтара ведра.
Тут и брал тут Добрыня цяру во белы руки,
Как отвёртывал краны боцьки с зеленым вином,
А-й как нациживал цяру зелена вина,
Не велику и не малу — да полтара ведра;
А ишше брал-то Добрынюшка единой рукой,
Выпивал-то Добрынюшка к едину духу.
А как отвёртывал краны Добрынюшка Никитиць млад,
А отвёртывал кран да во второй након,
Как нациживал цяру да зелена вина,
Не велику и не малу — да полтара ведра;
А как брал-то Добрынюшка единой рукой,
Выпивал-то Добрыня да к едину духу.
Да отвёртывал краны Добрыня да во третьей након,
Он нациживал цярочку зелена вина,
Не велику и не малу — полтара ведра;
Ишше брал-то Добрынюшка единой рукой,
Выпивал-то Добрыня к едину духу.
«А уж я перву чару выпил — для весельича,
А втору чару выпил — для похмельича,
Ишше третью я выпил — для безумьича».
А сомутились у Добрынюшки оци ясныя,
Росходились у Добрынюшки руцьки белые,
Загорело у Добрынюшки ретиво серьцё,
Закипела вот у Добрынюшки горяця кровь:
Как змахнул-то Добрынюшка рукмі белыми,
А-й как розорвал Добрынюшка тонкой бел шатёр,
Ростоптал он ведь бочку с зеленым вином,
А ростоптал он как чароцьку серебряну,
Не велику и не малу — да полтара ведра, —
Ишше сам повалилсэ да на кроватку спать.
Уж спит он, лежит да трои сутоцьки,
На четвёртыя сутоцьки Дуна́й едёт.
Подъежжаёт Дунаюшко ко белу шатру —
Как не видит Дунаюшко бела шатра,
Только видит Дунаюшко добра коня.
Сомутились у Дунаюшка оци ясныя,
Росходились у Дунаюшка руки белые,
А загорело у Дуна́я да ретиво серьцё,

Да закипела у Дунаюшка горяця кровь.
Да соскакивал Дунаюшко со добра коня,
Ун хочот-то секци да буйную голову —
Во локтю его рука да остояласе.
А да и тут-то Дунаюшко прироздумалсэ:
«Ишше що же сонного мне бить — будто мёртвого:
Да не цесь моя, хвала да молодецькая,
А не выслуга будёт да богатырская —
Побужу я удалого доброго молоцца.
«Уж ты стань-востань, невежа, да ты немилый друг!»
А ото сну ле доброй молодець пробужаицсэ,
Со великого похмелья да просыпаицсэ.
Говорит-то Дунаюшко таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитиць млад!
Ты нащо у мя розорвал да тонкой бел шатёр?
А ты нащо ростоптал боцьку с зеленым вином?
Ты нащо ростоптал-то ведь цяроцьку серебряну,
А не велику, не малу — да полтара ведра,
А и кóя чара стоит да во петьсот рублей?»
А говорыт тут Добрынюшка таково слово:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановиць!
Нащо было страстéми подписывать,
Со великими угрозами подрезывать?
Ишше этих страстей дак нам боетисе —
Нам не надобно по полю поляковать!»
Ишше тут же Дунаюшку за беду стало,
За великую досаду да показалосе:
Ишше тут-то молоццы они прироспорили,
Прироспорили молоццики, прироздорили,
А да скочили они да на добрых коней.
И как не две горы да сокаталосе,
Да не два ле сокола да солеталосе —
А два руських могуцих богатыр[я] съежжалисе.
Во-первых они съехались вострыма копьeми —
И по насадоцькам копыця поломалисе,
А от рук руковятоцьки загорелисе:
Они тем боём друг друга не ранили!
Во-вторых они съехались вострыма саблеми —
По насадоцькам сабельки изломалисе,

Да от рук руковятоцьки загорелисе.
Да натегивали луки да всё дубовые,
Да и те же тетивоцьки шолковые,
Да накладывали они да калены стрелы,
Они спускали ведь стрелоцьки в друг друга —
А улетели как стрелоцьки ноньче по поднебесью.
(Почему они летели по поднебесью?
Кабы русской с барсуманином-то бы и ссорылись —
Да попали они бы да друг в дружку,
А как руськой-от с руським — Боґ дас помошши!)
Они тем боём друг друга не ранили!
А тянулись на тягах на железных —
Да и тяги железны да изломалисе:
Они тем боём друг дружку не ранили!
И скоцили они да со добрых коней;
Да плотным они боём да рукопашечкой
Они бьюцьсэ-деруцьсэ ноньче трои суточки —
По коленам они в землю да утопалисе.
Да и в эту-ту пору да и во то время
Ише ездил старой казак по чисту полю
Он со тем же с Олешенькой Поповицём —
Да соскакивал старой-от да со добра коня,
Да припадывал старой-от да ко сырой земли
И говорыл тут Олешеньки Поповицу:
«Уж ты ой еси, братёлко крестовое!
Ише есь у нас битва да на цистом поли!
Поежжай-ко, Олешенька, попроведай-ко:
Если русской с барсуманином — то дай помошши,
Если русской-от с руським — дак розговарывай!»
Тут поехал Олешка на битву да на великую.
Приежжаёт Олешенька к битвы великое —
Ише тут же Олешенька приочуствовал,
А ише видит-де два руськия боґатыря:
Во-первых-де, Добрынюшка Никитиць млад,
А во-вторых, Дунай да сын Ивановиць.
Ише стал-то Олешенька их да розговаривать —
Розговору молоццы да не внимают же.
Да подходит Олешенька к добрым молоццам,
Да и хочот рознять их, добрых молоццов.

Да и пнул ёго Добрынюшка Никитиць млад,
Да и пнул-то его да как правой ногой —
А улетел-то Олешенька за сорок сажон,
Да лежит-то Олешенька на чистом поли,
Да стоит его конь у доброх молоццов.
А тут-то молоццы да всё-тыки борюццэ,
Да и тут молоццы-ти да всё стараюццэ.
Ище тут-то Олешенька очувствовал,
Подкрыпил свою силу-от богатырьскии,
Да приходит Олешенька он к добру коню,
Да заскакивал Олешенька на добра коня.
Да и слова-та Олешенька не молвил же —
Поскакал же к старому да Ильи Муромцу.
Приежжал же к старому да Ильи Муромцу;
Говорит же Олешенька таково слово:
«А уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец!
Да деруцсе Добрынюш[к]а с Дунаюшком,
А-й да говори моей да не внимают же!»
Да скочил же старой-от да на добра коня,
Он поехал на битву да на великую —
Приежжаёт старой на битву на великую.
Они слышат-то потоп да лошадиное,
Они слышат и крик-от богатырское —
Ише тут-то молоццы они приужакнулись,
Ише тут молоццы да роступилисе,
Отступились они драцьсе-воеватисе.
Тут приехал старой казак на битву на великую —
Тут стречают удалы да добры молоццы,
Да которому успеть да г старому бежать?
Да Добрынюш[к]а бежит — да подпинаицсэ,
А Дунаюшко бежит — да подтыкаицсэ.
Прибежал-то Добрынюш[к]а Никитич млад
На покорность г старому да Ильи Муромцу —
Да и близко Добрынюшка подвигаицсэ,
Да и низко старому да поклоняицсэ:
«Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец!
Уж ездил ведь я ноньце по всей земли,
Уж ездил-то я ноньце по всей Руси,
А не мог же натти себе супротивника,

Супротивника натти себе, наезника.
Уж я выехал на полё на чистое,
Да на то же роздольё да на широкоё, —
А да смотрел я, гледел в подзорну трубочку,
Я на все же на четыре да кругом стороны:
Во первой стороны — да горы лютыи,
Во второй стороны — да леса темные,
Во третей стороны — да синее морюшко,
Во четвёртой стороны — да цистое полюшко.
Я смотрел-то, гледел да вдоль я по полю,
По тому я роздоль[и]цю широкому, —
Как завидял-то: на поли шатёр стоит.
А поехал ведь я да ко белу шатру,
А приехал ведь я да ко белу шатру —
На шатре было подписом подписано,
А со великими угрозами подрезано:
„Ишше хто к шатру приедёт — да живому не быть,
Живому ему не быть, проць не уехати!”
Ишше тех же страстей ведь нам боетисе —
Нам не надобно по полю ездить поляковать,
Да по чистому полюшку казаковать!
Ише тут-то ведь мне-ка да не пондравилось.
Заходил же ведь я да в тонкой бел шатёр —
Во шатри стоит кроваточка тисовая,
На кроватоцьки лежала периночка пуховая,
На перины — одеялышко черного соболя.
Под кроваткой стоит боцька да с зеленым вином,
А на боцьки стоит цяроцька серебряна,
Не велика, не мала — да полтара ведра.
А на цяроцьки ст[р]астéми было подписано,
Со великими угрозами подрезано:
„Ише хто же это чарочку примет единой рукой,
Ише хто цяру выпьёт да к едину духу —
Да тому человеку да живому не быть,
Живому-то не быть, проць не уехати!”
Ише это ведь мне-ка да не пондравилось:
Наливал ведь я цяроцьку зелена вина,
Не велику, не малу — да полтара ведра, —
Выпивал же я цяру да к едину духу.

Наливал же я цяроцьку во второй након —
Выпивал же я цяру да к едину духу.
Наливал ведь я цяру да во второй након —
Выпивал ведь я цяру да к едину духу.
Сомутились у меня да очи ясныя,
Росходились у меня да ручки белые:
Я розорвал у его да тонкой бел шатёр,
Ростоптал ведь я боцьку да с зеленым вином,
Ростоптал ведь я цяроцьку серебряну,
Ише всё розмётал я по чисту полю!»
Ише тут же старой-от да воспроговорыл:
«Как поэтому, Добрынюшка, ты неправ будёшь!»
Да подходит Дунай да сын Ивановиць,
Ише близко Дунаюшко подвигаицсэ,
Да и низко Дунаюшко поклоняицсэ:
«Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромець!
Как стоял у мя шатёр дак на цистом поли;
На шатри-то у мя было подписано,
Со великима угрозами подрезано:
„Ишше хто к шатру приедёт — да живому не быть,
Живому-то не быть и проць не уехати!”
Во шатри стояла кроватоцька у мя тисовая,
На кроватоцьки лежала перина пуховая,
Под кроваткой стояла боцька да с зеленым вином,
А на боцьки у мя цяроцька была серебряна,
Не велика, а не мала — да полтара ведра,
Ише та же цяра стоит во петьсот рублей,
Из которой ноньчи чары да с приезду пью!
А на цяроцьки страстемии было подписано,
Со великима угрозами подрезано...»
Ише тут-то старой-от да воспроговорил:
«Дак поэтому, Дунаюшко, ты неправ будёшь!»
Уж сели все они да на добрых коней —
Собралась их дружинишка хоробрая,
Да четыре молоцца, как четыре ясных сокола.
Да поехали они да в стольне Киев-град
Да к тому же ко князю да ко Владимиру.
Приежжают ко грьдъни ко княжонецкое,
Приежжают-то прямо да ко красну крыльцу —

Ишше в ету ведь пору да и во то время,
А как Владимир-от князь да сел на княжей стол.
Как грьдъни все княжески роставилисе,
А и все светлыя светлицы запустили их.
Да выходит Владимир-князь на красно крыльцо,
Уж низко старому да поклоняицэ:
«Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец!
Да пощо же тебя в доми да не случилось,
Не Добрынюшки у мя да не Никитица,
Не Дунаюшка у мя сына Ивановича,
Не Олешеньки у мя да не Поповиця?» —
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!
Уж ездил я с Оле[ё]шенькой по чисту полю,
Я нашол же ведь битву да на чистом поли:
Как Добрынюшка с Дунаюшком деруццэ же.
Россуди у их да всё розведай-ко,
Ише сedy-ко-се, князь, да ты на руськой стол,
Ты придумай-ко думу да нам ведь крепкую,
Ишше дай-ко-се нам да слово тайноё,
Слово тайноё дай, да не объявноё!
Я привёз как удалых их добрых молоццов:
Во-первых-де, Добрынюшку Микитица,
Во-вторых-де, Дунаюшка Ивановича,
Во-третьих-де, Олешеньку Поповича».
Говорит князь Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец!
Заходи-ко-се ведь к нам во грьдъню княжонеськую —
Россужу ведь я вас и прирозведаю!
А как по Господу судить, да нать живому быть,
Как по кривды судить, да быть убитому —
А ишше все поживём мы да на белом свети!»
Тут заходят молоццы-ти да в светлу грьницю.
Тут подходит Добрынюш[к]а ко Владимиру,
И говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец!
Уж ты где ты их нашол, да где их выкопал?»
А-й говорит тут старой-от да таково слово:
«Уж ты солнышко Владимир, князь стольно-киевской!
Уж я ездил-то ноньце по полю поляковать,

А по цистому полюшку казакова[ть]
Да и с тем же с Олешенькой Поповицом —
Да нашол же ведь я но поли битву великую.
Посылал я Олешеньку Поповиця
Как на ту же на битву на великую.
Я сказал же ему да наказал ему:
„Если руськой с неверным — да то дай помошши,
Если руськой-от с руським — да розговаривай!”
Как поехал Олеша на битву на великую.
Приежжаёт Олешка на битву на великую —
Да и бьюцца два молоцца всё руськие.
Да и стал он ведь их да розговаривать:
„Уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановиц!
Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
Вы об цём деритесь, да чого делите?” —
В темях-то молоццы: ему ответу нет».
Говорит тут Олешенька Попович млад:
«Да соскакивал я, Олешенька, со добра коня,
И хотел я рознять их, удалых добрых молоццов, —
Подходил я к удалым им, добрым молоццам,
Да хотел захватить их белой руцькой правою.
Не успел захватить я руцькой правою,
Как-то пнул меня Добрынюшка Микитиц млад,
Да-то пнул-то миня да всё правой ногой —
Улетел-то ведь я да во чисто полё,
Как в далечем, далёчо — да за сорок сажон.
Ишше тут же ведь я при(й)очувствовал,
Подкрепил свои силушки молодецкии,
Молодецкия силушки богатырскии.
Тут прихожу ведь я да ко добру коню,
Да скочил ведь нонь я да на добра коня
Да поехал г старому да Ильи Муромцу.
Приежжаю г старому Ильи Муромцу,
Говорю я старому да таково слово:
„Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромець!
Ише бьюцьсе-деруцьсе да там Дунаюшко,
Там Дунаюшко дереццэ да всё с Добрынюшкой!”
Да [на] ето старому да не понравилось;
Да скочил тогда старой ведь на добра коня,

А полетел он на битву да на великую.
Как приехал там на битву на великую.
Как едет старой да по чисту полю,
Как уцули ведь потоп ребята лошадиное,
Как услышали крик да богатырьское —
Ише все они, ребяташка, ноньце роступилисе,
Перестали они бицэ и дратисе.
А-й на покорность идет Добрынюшка Микитиц млад
А [к] тому же г старому да Ильи Муромцу,
Ишше низко Добрыня да поклоняицэ».
А на ето-то Добрынюшка догадлив был:
«Уж ты ой еси, Олешенька Поповиц млад!
Ты позволь-ко-се молчать, мне-ка слово сказать!»
Ой ишше близко Добрыню[ш]ка подвигаицэ,
Ишше низко Добрыня да поклоняицэ:
«Уж ты солнышко Владимир, князь стольно-киевской!
Ты позволь, князь Владимир, да мне слово сказать —
Не позволь, князь Владимир, да за слово казнить,
За слово меня не бить, скоро не весити!» —
«А-й говори-тко, Добрыня, да що тебе надобно». —
«Уж ты солнышко Владимир, князь стольне-киевской!
Уж как ездил ведь ноне да я по всей земли,
Я по всей-то земли, да я по всей Руси —
А я не мог же натти себе супротивника,
Супро[ти]вника натти себе, наезника.
Как я выехал на полё на чистое,
Да на то же на роздольице широкоё, —
Да увидял я: на поли шатёр стоит.
А смотрел я, гледел в подзорну трубочку
Да на все же на четыре да кругом стороны:
И во первой-то стороны — да горы лютыи,
Во второй-то стороны — да лесы темныя,
И во третьей-то стороны — синее морюшко,
По четвёртой стороны — да цисто полюшко.
Я смотрел же, гледел да вдоль я по полю,
По тому я роздольицю широкому,
А я увидял-то: на поли шатёр стоит.
Приежжаю ведь я да ко белу шатру —
На шатри было подписом подписано,

Со великими угрозами подрезано:

„Ише хто к шатру приедёт — да живому не быть,
Ой живому не быть, проць не уехати!”

Я зашел же к ёму да в тонкой бел шатёр —
Во шатри стоит кроваточка тисовая,
На кроватоцьки лежит перинушка пуховая,
На перины — одеялышко черного соболя,
Под кроваткой стоит боцька да с зеленым вином,
Да на боцьки стоит цяроцька серебряна,
Не велика, не мала — да полтара ведра.

А на цяроцьки страстемии было подписано,

Со великими-й угрозами подрезано:

„Ише хто же эту цяроцьку примёт единой рукой,

Ише хто эту цяроцьку выпьёт к едину духу —

Да тому человеку да живому не быть,

Живому-то не быть и проць не уехати!”

Ише это ведь мне-ка да не пондравилось:

Наливал ведь я чару да зелена вина,

Не велику, не малу — да полтара ведра, —

Выпивал ету цяру я к едину духу.

Наливал ведь я цяру да во второй након —

Выпивал эту цяру да к едину духу.

Наливал я ведь цяру да во третей након —

Выпивал эту цяру да к едину духу.

Сомутились у меня да оци ясные,

Росходились у меня да руцьки белые:

А розорвал у его да тонкой бел шатёр,

Ростоптал я ведь боцьку да с зеленым вином,

Ростоптал я ведь цяроцьку серебрянну,

Не велику, не малу — да полтара ведра!»

Говорит князь Владимир да таково слово:

«Как поетому, Добрынюшка, ты неправ будёшь!»

Как и близко Дунаюшко подвигаицэ,

Ише низко Дунай да поклоняицэ,

Говорит-то Дунаюшко таково слово:

«Уж ты солнышко Владимир, князь стольне-киевской!

Ты позволь, князь Владимир, да мне слово сказать —

За слово меня не бить, скоро не весити!»

Говорит князь Владимир да таково слово:

«Говори-тко, Дунаюшко, що те где надобно». —
«Как стоял у мя на поли тонкой бел шатёр.
На шатри у мя страстемии было подписано,
Со великими угрозами подрезано:
„Ише хто к шатру приедёт — дак живому не быть,
Живому-де не быть и проць не уехати!”
Во шатри-то стояла кроваточка тисовая,
На кроватоцьки лежала перинушка пуховая,
На перины — одиялышко черного соболя,
Под кроваткой стоит боцька да с зеленым вином,
А на боцьки-то цяроцька была серебрянна,
Не велика, не мала — да полтара ведра,
Из которой я чарочки я с приезду пил, —
Не велика и не мала — да полтора ведра,
А котора она стоила во петьсот рублей.
А на цяроцьки страстемии подписано,
Со великими угрозами подрезано».
Говорит князь Владимир да таково слово:
«Да поэтому, Дунаюшко, ты неправ будёшь!»
Говорит тут Владимир-князь таково слово:
«Уж вы слуги, вы слуги да мои верные,
Мои верныя слуги да неизменные!
Вы возьмите Дуная да за белы руки,
Поведите Дуная да во цисто полё,
450Вы копайте Дунаюшку глубок погрёб!
Вы возьмите-тко двери да все железные,
Вы возьмите-тко замки да все три крепкие,
Вы замкните Дуная да крепко-накрепко!»
Ише тут его слуги да не ослушались:
Они брали и Дуная за белы руки,
Повели же Дуная да во цисто полё,
А копали Дунаюшку глубок погрёб,
Затворили-то двери да трои все железные,
Да замкнули замками да крепко-накрепко,
Ише сами тому да приговаривали:
«Не бывать тут Дунаю да на белом свети,
Не видать тут Дунаю да свету белого!»
Тут пошли всё ко князю да ко Владимиру.
Да приходят ко князю да ко Владимиру,

Говорят-то ведь слуги да таково слово:
«Уж ты солнышко Владимир да стольне-киевской!
Ишше службу твою да всё исполнили:
Как свели же Дунаюшка во цисто полё,
А как копали Дунаюшку глубок погрёб —
Да копали Дунаюшка во глубок погрёб,
Как затворили мы двери да трои все железные,
Как замкнули замки да всё три крепкие!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 20 июля (первая половина текста, 22 июля — вторая половина) 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Петрова Артемия Егоровича, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.